

Борис Заходер

РАЗКОВОРУЧИВА РЕЩЕРА

Издательство «Мамыи» 1984
Москва

ЛИСИЦЫН СУД

Было это давным-давно — в те самые времена, когда звери умели говорить, да и деревья иной раз вставляли словечко.

Шёл крестьянин по лесу и видит: упало большое дерево и толстой веткой Змею придавило. Бьётся Змея, корчится, а выбраться на свободу не может.

Заметила она крестьянина и говорит ему:

— Пожалей меня, помоги на волю выбраться! Я тебя за это поблагодарю.

Пожалел крестьянин Змею, поднял ветку. А Змея была ядовитая. Как только освободилась, сразу шмыг — прямо ему на плечи, обвилась вокруг шеи и шипит:

— Сейчас я тебя укушу!

Вот она, змеиная благодарность-то!

Крестьянин говорит:

— Как тебе не стыдно, ядовитая, я тебя от смерти спас, а ты меня хочешь погубить!

А Змея всё своё: укушу и укушу!

— Нет, — говорит крестьянин, — так не годится. Пойдём-ка мы с тобой к судье. Пусть он нас рассудит. Кого первого встретим, тому судьёй и быть.

Змея согласилась. Пошли они по лесу, и встретились им — кто бы вы думали? — рыжая Лиса.

Рассказали они ей всё дело.

— Будь, Лиса, у нас судьёй, — говорит крестьянин. — Только уговор: суди по чести, по совести.

— Ладно, — отвечает Лиса. — Буду я у вас судьёй. Только я

так судить не могу — мне сначала поглядеть надо, как дело было. Пойдём к тому месту, где спор у вас начался. Там я вас и рас-сужу.

Пришли они на старое место. А Лиса-судья и говорит:

— Теперь станьте по местам — где кто был, когда у вас спор начался.

Крестьянин приподнял ветку, Змея скользнула на прежнее место, а он сразу ветку опять отпустил. Змею снова и придавило.

— Ну, а теперь, — говорит Лиса, — выбирайся, ядовитая, на свободу, как хочешь. Вот тебе и приговор.

Не знаю, как Змея, а крестьянин доволен остался!

— Спасибо, — говорит, — Лиса-судья, что судила по чести, по совести!

А Лиса отвечает:

— Нет, одного спасибо мало. Мне с тебя за труды мешок добра приходится.

Удивился крестьянин:

— Такого уговора у нас не было.

А Лиса всё своё: давай да давай!

«Вот ты какая, — думает крестьянин, — совесть-то у тебя, выходит, продажная! Ну, погоди, проучу я тебя».

— Ладно, — говорит, — пойдём ко мне, дам я тебе мешок добра.

Пришёл он к себе домой, спрятал в мешок своих собак, завязал его хорошенько и вынес Лисе.

А Лиса рада — мешок-то тяжёлый. «Вот, — думает Лиса, — расщедрился крестьянин!»

Несёт она мешок домой, да любопытство её разбирает: что там за добро такое?

Присела она на дороге, развязала мешок, а оттуда собаки как выскочат да как начнут её трепать! Трепали, трепали — всю шкуру на ней изорвали, насилиу Лиса вырвалась.

Прибежала Лиса домой, сидит, шкуру свою зализывает, а сама говорит:

— И дедушка мой судьёй не был, и отец мой судьёй не был, так зачем же меня нелёгкая в судьи понесла?

КАК ЛИСА ИСПРАВИЛАСЬ

Вы только подумайте: Лиса среди бела дня на птичий двор заявила! Узнала, должно быть, что ни людей, ни собак дома нет.

Прямо вошла в ворота и уселась посреди двора.

Что тут поднялось! Куры кудахчут, взад-вперёд носятся. Утки крякают. А гуси под сено забились и шипят — сердито-сердито.

Усмехнулась Лиса и говорит:

— Я знаю, вы нас, лисиц, не любите, а вот я вас всех люблю! Я теперь исправиться решила, буду добрая, хорошая, никого не трону. Давайте дружить! Примите меня к себе, а то мне одной в лесу скучно и грустно.

Петух говорит:

— Кккак-ккак ккак?

Гуси говорят:

— Ни-ког-да!

Вдруг овца вмешалась:

— Бе-е-е-дная Лисичка! Примите её, бе-е-едняжку!

Свинья тоже:

— Пусть, пусть живёт! Ей в лесу хрю-хрю-хрюстно!

Корова даже слезу пустила.

— Ну-у-у, почему-у? Хоть на денёк примеммм!

Тут Лиса подбежала к цыплятам и давай их по головам гладить.

— Ах вы мои милые, хорошенькие, — говорит, — и я теперь буду хорошая-хорошая, только вы меня всему учите!

Козёл — он очень всех учить любил — обрадовался.

— Иди сюда, — говорит, — я тебя бодаться научу! Это, знаешь, первое дело — уметь бодаться!

Пошла Лиса учиться бодаться.

Потом стала учиться с гусями вперевалку ходить.

— Уж очень вы, гуси, ловкие, — говорит, — до чего вы мне нравитесь — и сказать не могу!

Гуси и рады:

— Да-да-да! Мы самые ловкие!

Петух сперва Лисе не доверял, но когда она его пение похвалила, и он растаял.

— Молодец Лиса, — говорит, — понимает в музыке толк! Я её скоро тоже петь выучу!

А уж когда Лиса стала учиться цыплят высиживать — тут и все наседки не устояли!

Самой-то Лисе больше всех утятки полюбились. Уж она им и пёрышки приглаживала, и носы вытирала, и даже с ними вместе в пруд купаться пошла.

— Ох, какие они у вас чудесные, — говорит она матери-утке. — А как плавают! А какие воспитанные!

Да, все Лису полюбили. Только и слышно: Лиса, Лиса! А вот наша Лиса!

Уж свинья — и та с ней обедом поделилась!

А Лиса, глазки потупив, знай приговаривает:

— Какие вы все добрые, хорошие! Ну, как мне вас отблагодарить? Прямо не знаю. Хотя вот что: вы землянику любите?

— Да-да-да! — говорят гуси.

— Ко-ко-ко-нечна! — говорят куры.

— Ещё как, как, ка-ак! — отвечают утки.

— Тогда пойдёмте в лес, — говорит Лисица. — Знаю я одну полянку на опушке, где земляники этой самой — видимо-невидимо! Устроим ужин на траве!

И пошли.

Впереди — Лиса, дорогу показывает. За ней гуси — гуськом идут. Дальше — утки с утятами. А сзади всех — петух с курами.

Тут как раз люди на птичий двор пришли. И собака.

— Где все утки? Где гуси? Где куры?

А собака понюхала следы и говорит:

— Гав! Гав! Тут Лиса была! Она их увела!

И в погоню.

— Смотрите-ка, и собака за нами бежит,— говорят гуси.— Наверное, тоже земляники захотелось.

Лиса оглянулась — да как припустится бежать, только пятки чёрные засверкали. Собака за ней! Да только не догнала... Утки, куры, гуси очень на собаку рассердились.

— Вот глупая собака,— говорят,— испортила нам прогулку. И землянички попробовать не пришлось!

А Лиса в нору свою забилась,— тоже собаку ругает. И сама себя клянёт:

— Дура я, дура! И зачем я только этих утят-цыплят высиживала! Ни одного попробовать не пришлось!

ОТКУДА ВЕТЕР ДУЕТ

Как-то раз повезло медведю на охоте — умудрился Мишка куропатку живьём поймать, да ещё такую жирную — прямо объеденье!

Хотел было Мишка её сразу съесть, да потом раздумал.

«Пойду-ка, — думает, — по лесу пройду, покрасуюсь. Пускай все звери моей добычей полюбуются да мне позавидуют. Хватит им меня неуклюжим да косолапым звать — пусть знают, что я за охотник!»

Примял Мишка куропатку зубами, не до смерти, а так, слегка, чтобы не вырвалась, — и ну шагать по лесу, кусты мять, деревья валить.

А навстречу косолапому — Лиса-кума. Остановился медведь, подбоченился, нос повыше задрал и ждёт, что ему Лиса скажет.

А Лиса, как назло, будто ничего не замечает. Тоже нос подняла, воздух нюхает, а Мишку с куропаткой будто и не видит!

Досадно стало Мишке. Подошёл он поближе и ворчит сквозь зубы — куропатка-то во рту:

— Гм-м! Хм-хм!

Тут Лиса его заметила.

— А, это ты, Мишенька? Здравствуй! Погода-то нынче какая! Прямо благодать! Только что-то не пойму: откуда сегодня ветер дует? Ты не скажешь ли?

А Мишка опять сквозь зубы ворчит — куропатка ведь живая:

— Гм-гм!

— С юга, говоришь? — спрашивает Лиса. — Да нет, словно бы не с юга!..

А Мишка опять:

— Хм-хм!

— Ничего я, Мишенька, не разберу, — говорит Лиса. — Каша у тебя, что ли, во рту? Или зубы растерял? Не ворчи ты, сделай милость, а говори толком: откуда ветер дует?

Тут уж Мишке невтерпёж стало: разинул он пасть да как рывкнет:

— С запада!

И не успел он это слово выговорить, куропатка — фрр! — и поминай её как звали!

Вот Мишка давай Лису ругать.

— Из-за тебя, дурища, — говорит, — я своей добычи лишился! Где она, куропатка-то? Где? А ведь какая была жирная да вкусная — до сих пор слюнки текут!

А Лиса — ну хохотать! Хохочет, а сама за бока держится, чтобы со смеху не лопнуть.

— Ой, уморил! Ох, и чудака же ты, косолапый! Ты куропатку упустил, а я виновата! Я-то тут при чём?

— Да как же, — говорит медведь, — зачем ты спрашивала, откуда ветер дует? Всё из-за вопросов твоих и вышло!

А Лиса — опять до слёз хохотать. Насилу успокоилась, слёзы утёрла и говорит:

— Чудака ты, Мишка! Не вопросы мои, а глупость твоя виновата! Я ведь тебе говорила, чтобы ты толком отвечал! Вот кабы у меня во рту куропатка была да меня бы спросили, откуда ветер дует, — я бы ни в жизнь не сказала «с запада».

— А как бы ты сказала? — удивился Мишка.

А Лиса челюсти крепче стиснула да сквозь зубы процедила:

— С севера! С севера, Мишенька!

ТИГР И ЛИСА

Увидал Тигр Лису. Зубы оскалил, когти выпустил и рычит:

— Я тебя съем!

— Как же ты меня съешь? — говорит Лиса. — Может, я сильнее тебя!

Удивился Тигр.

— Ты, такая маленькая, сильнее меня? Да не может быть?

— А вот посмотрим! — говорит Лиса. — Пойдём со мной по дороге. Ты замечай, кого больше боятся — тебя или меня. Кого больше боятся — тот и сильнее; кто сильнее — тот другого и съест.

Тигр согласился. Пошли они. Лиса вперёд забежала, а Тигр за ней идёт. И все от них разбегаются. (Ведь Тигр-то большой — он хоть и сзади идёт, его всё равно дальше видно!)

А Лиса и говорит:

— Ну что? Заметил, как меня все боятся? Я ведь впереди иду — это от меня все и спасаются, а на тебя никто и внимания не обращает!

Ох и хитрая!

Испугался Тигр, как бы его Лиса не съела, поджал хвост да бежать!

А Лиса ему вслед кричит:

— Стало быть, я и впрямь сильнее, раз ты сам меня испугался!

Эх, Тигр, Тигр! Заметил ты, как все Лисы боятся, а только не заметил, как Лисица тебя перехитрила!

РАЗГОВОРЧИВАЯ ПЕЩЕРА

Вышел голодный Тигр на охоту. Бродил-бродил по лесу, да так никого и не поймал. Глядь — в чаще пещера.

«Не иначе, тут чья-то берлога, — думает Тигр, — заберусь-ка я сюда, отдохну, а как хозяин придёт — я его съем!»

Вот ведь какой разбойник!

Ну что ж, сказано — сделано. Залез Тигр в пещеру, принялся — пахнет Шакалом. Поморщился Тигр. «Не больно-то вкусно шакалье мясо, — думает, — но голод не тётка, на худой конец и Шакала съем!» Залёг, блохи его кусают, а он терпит: затаился и ждёт.

А хозяин — Шакал лёгок на помине. Идёт знакомой тропинкой, а ухо остро держит. Вдруг видит: что такое? На тропке — Тигриный след! Чем ближе Шакал к пещере подходит, тем тише идёт. Присмотрелся: так и есть — в самую пещеру следы ведут. Туда вошли, а обратно не вышли.

Остановился Шакал.

— Эге, — говорит сам себе, — похоже, что у меня гости. Да вот беда — угощать-то мне их нечем!

Отошёл назад немного и закричал:

— Эй, пещера-а! Пещера! Добрый вечер!

Молчит пещера.

Во второй раз закричал Шакал:

— Эй, пещера-а! Ты что, оглохла? Или уговор наш забыла? Отвечай, как уговорились: добро пожаловать!

Пещера молчит.

— Видно, заблудился я, — говорит Шакал. — Ну, в последний раз попробую, а там в другое место пойду!

Закричал во всю мочь:

— Эй, пещера! В последний раз говорю: добрый вечер!

Тут уж Тигр не утерпел. Вскочил да как зарычит:

— Добро пожаловать!

Шакала словно ветром сдуло! Бежит прочь, усмехается, а сам и говорит:

— Много лет в этом лесу живу, много пещер видел, а такая разговорчивая впервые попалась!

ВОЛЧЬЯ ПЕСНЯ

Жил-был в лесу серый Волк, злой-презлой.

Он жил, а кругом всем житья не было.

Мало того, что он разбойничал, правого и виноватого в своё логово тащил, — очень он всех воем своим донимал. Другие волки только с голодухи воют, а этот, серый разбойник, зарежет телёнка, наестся до отвала и песню затынет.

Песня-то у него, известно, одна:

— Украду-у! Укушу-у-у-у!

До того страшно и противно воет — все, кроме Филина да Совы, не знают, как уши заткнуть, а ему, видно, нравится: передохнёт немного и опять заведёт:

— У-у-ууу! У-душу-ууу!

Вот как-то выл он, выл, только под утро утомился — задремал. И весь день бы проспал, да тут красное солнышко взошло и ему своим тёплым лучиком в носу защекотало.

Волк спросонья подумал, что это муха, — цап её зубами! — ничего, только зубы щёлкнули; второй раз цапнул — опять мимо; третий раз цапнул — да сам себе язык и прикусил.

Продрал он глаза, а мимо как раз Лиса бежит, курочку тащит.

— Эй, — кричит, — серый, будет спать! На поле у ручья овечье стадо пасётся, и ни пастухов, ни собак! Вон там!

И хвостом махнула, показала где.

Тут с Волка весь сон соскочил.

— Не врётся? — рычит.

А Лисе что врать? Она своему слову хозяйка.

Помчался серый туда, куда она показала, — и верно: пасутся овцы, сотни полторы, одни-одинёшеньки...

Увидали они Волка — задрожали, в кучу сбились, стоят, бедные, смерти лютой ждут...

У Волка слюнки потекли.

— Сейчас, — рычит, — есть вас буду!

И съел бы, да вдруг выходит вперёд одна Овца, поклонилась Волку и говорит:

— Съесть ты нас, батюшка, всегда успеешь. А только не будет ли такой твоей милости...

— Милости? — рычит Волк. — Какой милости вы от Волка захотели?

— А вот какой: нет у нас, батюшка, запевалы. Мы, не в обиду тебе сказать, тоже петь любим. И был у нас запевала — баран, вроде тебя, голосистый, да угнали его куда-то. Ты бы помог нам спеться, а потом бы и ел! Тебе ведь это просто: ты музыкант знаменитый, каждую ночь тебя слушаем, уснуть не можем!

Волк умилился:

— Верно, не спите?

— Где там уснуть, — отвечает Овца, — глаз, батюшка, не смыкаем!

— Хм! Ну, ладно, — говорит Волк, — это, пожалуй, можно. Только смотрите у меня — слушаться! А то я вас!..

Залез серый на пенёк и завёл своё:

— Уууу-укууу-шу-уу! Уууу-дууу-шууу!

А овцы хором:

— Бееееедные мы! Нееееесчастные мы!

— Не так! — кричит волк. — Басы, тише! Подголоски, громче!

А сам:

— Уууууу!

А овцы:

— Беее! Мееее!

Такой шум подняли — со всей округи люди и собаки сбежались...

На том и кончилась волчья песня.

ПОЧЕМУ ПЕТУХ КРИЧИТ ТРИЖДЫ В НОЧЬ

В старину у Петуха был хвост самый красивый: синий, расписной, с разводами и узорами, а Павлин ходил кургузый. Был у него хвост — да так, не хвост, а одно недоразумение.

Завидовал Павлин Петуху. Вот однажды пришёл он к нему и просит:

— Петух, а Петух! Одолжи мне свой хвост, а то мне на свадьбу идти нужно, так охота принарядиться.

— Да что ты, — говорит Петух, — разве хвосты одалживают?

— Да ведь я отдам! — говорит Павлин.

— А когда отдашь?

— Да как со свадьбы приду.

— А когда придёшь?

Какая свадьба будет: либо вечером, либо в полночь, а то, может, и до рассвета загуляем!

— Ну, лишь бы не позже, — говорит Петух, — а то меня утром куры засмеют.

Пообещал ему Павлин хвост вернуть.

Отдал Петух свой хвост. Павлин расфуфырился — и был таков.

Сидит Петька без хвоста и ждёт-пождёт, когда Павлин со свадьбы вернётся. Вот и вечер наступил, солнце село, а Павлина всё нет.

Вскочил Петька на забор, покричал-покричал — не идёт Павлин. «Должно быть, весело на свадьбе», — думает Петух. Вот и куры спать легли, и Петух задремал. Дремлет, дремлет, а про свой хвост всё помнит. Глядь — полночь настала, темень — хоть глаз выколи.

«Эх, — думает Петух, — как бы Павлин, со свадьбы идучи, не заблудился!»

Встрепенулся Петька и давай кукарекать. Кричал-кричал — нет, не идёт Павлин.

Опять задремал Петух, да не спится ему — хвост жалко. Снится ему, что Павлин со свадьбы идёт, а на него дорогой разбойники напали, Петькин хвост отобрали.

Вскочил Петух на рассвете. Не пришёл ли Павлин? Нет! Опять закричал Петька:

— Ку-ка-реку! Павлинушка! Иди сюда!

А какое там сюда! Павлин за ночь до самой Индии добежал да там и поселился. Поминай его как звали.

Много лет прошло, много воды утекло, уж и новый хвост у Петуха вырос, а всё никак не может он успокоиться.

Вот и кричит он с тех пор каждую ночь трижды — как знать, может, и вернёт Павлин старый Петькин хвост?

Содержание

Лисицын суд	3
Как Лиса исправилась	7
Откуда ветер дует	11
Тигр и Лиса	15
Разговорчивая пещера	17
Волчья песня	21
Почему петух кричит трижды в ночь	25

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
Борис Владимирович Заходер
РАЗГОВОРЧИВАЯ ПЕЩЕРА

По мотивам сказок народов мира

Художник **Е. Позд니кова**

Редактор *Б. Цыбина*
Художественный редактор *Ю. Полянов*
Технический редактор *Н. Житенёва*
Корректор *Н. Паликова*

ИБ № 1562

Сдано в набор 16.09.83. Подписано в печать 10.04.84. 60×90/8. Офс. № 1.
Грнитура башкирская. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,5. Усл. кр. отт. 21,0.
Уч.-изд. л. 3,07. Тираж 200 000 экз. Изд. № 6387. Заказ № 2432. Цена 25 коп.
Издательство «Малыш». 101463, Москва, Бутырский вал, 68. Калининский
ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР. Госиздполиграфирма Госкомиздата РСФСР. Калинин,
проспект 50-летия Октября, 46.

З 4803010102-054 54-84
М102(03)-84